

КОНСТИТУИРУЮЩАЯ ВЛАСТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ И ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

И.А. Кравец

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Идентифицируются природа и происхождение конституирующей власти, исторические, социальные и правовые основания генеративной публичной власти, создающей и преобразующей конституции и правопорядок на примере Франции и России, теоретические основы и судьба учредительного собрания и учредительного конституционализма в России, международная дискуссия о предназначении и активном использовании конституирующей власти в современных демократических государствах.

Ключевые слова

Конституирующая власть,
конституанта, делиберативный
конституционализм,
конституционные изменения,
народный суверенитет,
учредительный
конституционализм, народный
конституционализм,
демократический
конституционный дизайн,
демократическое участие

CONSTITUENT POWER IN CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT AND PUBLIC COMMUNICATION: COMPARATIVE ASPECTS OF CONSTITUTIONAL CHANGE**

Igor A. Kravets

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –

2025 April 01

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

The subject. This article identifies the nature and origin of constituent power, reveals the communicative nature of constituent power, the need to engage citizens, experts, and civil society institutions in the process of democratic constitution-making, and the historical, social, and legal foundations of generative public power, creating and transforming constitutions and legal order, using the examples of France and Russia.

The aim of the article is to explore the theoretical foundations and history of the constituent assembly and constituent constitutionalism in Russia, as well as the international debate on the purpose and active use of constituent power in modern democratic states.

Keywords

Constituent power, constituent,
deliberative constitutionalism,
constitutional change, popular
sovereignty, constituent

Methodology. The article used hermeneutic and epistemological approaches, methods of formal-legal, concrete-historical, comparative constitutional-legal and complex analysis.

Main results, scope of application. The author examines the problem of popular power as the source and creator of constituent power, the origin of the word and concept of "constituent power" the role of Abbé E.J. Sieyès in conceptualizing constituent power, and

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

** The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> ("Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)").

constitutionalism, popular constitutionalism, democratic constitutional design, democratic participation

the practical application of this concept and the institution of the national constituent assembly in French revolutionary constitutionalism and in Russia in the early 20th century during the three Russian revolutions. Originally reflecting the French constitutional-revolutionary experience, the word "constituent power" subsequently acquired a broader meaning and was and still is used to describe the institutional exercise of constituent power. This short term refers to various types of citizens' assemblies that are granted the right to draft and adopt constitutions (constitutional conventions, constituent assemblies, constitutional conventions, and other popular assemblies with constituent power).

Conclusions. In Russian, this foreign word began to be used due to the widespread use of French in the upper echelons of society and at the imperial court as early as the 19th century. Scholarly works and dictionaries of foreign words confirm that the word "constituent" became firmly established in the Russian language in the late 19th and early 20th centuries. The experience of European states in the first quarter of the 21st century demonstrates, on the one hand, a critical rethinking of liberal constitutionalism, centered in Europe and the USA, as well as a discussion of the prospects for creating a polycentric model of constitutionalism. On the other hand, the expansion of the social basis of constituent power using citizens' assemblies and mini-publics, deliberative instruments for constitution-making, and the adoption of constitutional amendments. The Russian experience with the adoption of the 1993 Russian Constitution and the 2020 constitutional reform demonstrates the transformation of constituent constitutionalism toward a strengthening of presidentialism and its role in the exercise of constituent power.

1. Введение: что такое коммуникативная конституирующая власть?

В доктрине конституционализма и практике конституционных изменений в XXI в. сформировалась устойчивая тенденция на *расширение социального основания конституирующей власти*, на вовлечение граждан, экспертов и институтов гражданского общества в процесс демократического создания конституций и принятия конституционных поправок. В науке конституционного права две доктрины: *конституирующей (учреждающей) власти* и *конституционализма* – находятся в сложных отношениях, занимающих генеративное и нормативно-институциональное место в системе правопорядка и организации государственного правления.

2. Власть народа как источник и творец конституанты (проблема идентификации конституирующего субъекта)

Слово «*конституанта*» (сокращенный вариант от фр. *assemblée nationale constituante*) первоначально на французском языке (*constituante*) вошло в конституционный лексикон в конце XVIII в. в связи с учредительными процессами и концептуализацией конституирующей власти аббатом Э.Ж. Сийесом в брошюре «Третье сословие» периода Великой французской революции. Генеральные штаты, преобразованные в национальное учредительное собрание, обеспечили передачу суверенитета «от монарха к нации» [1, р. xi]. Во французской литературе тер-

мины *la Constituante de 1789* («Конституанта 1789») или *première Constituante* («первая Конституанта») [2, р. 239–240] использовались широко, откуда и произошла русская транслитерация слова. Французские исследователи продолжают использовать среднее по полноте выражение *l'Assemblée Constituante* [3, р. 341–342], которое на русский язык переводится как «учредительное собрание». Наряду с термином «конституанта» в англо- и русскоязычных исследованиях, посвященных Французской революции, применялись названия Национальное Собрание, Национальная Ассамблея (англ. *National Assembly*) без указания на учредительный характер органа не только из-за краткости названия, но и потому, что не сразу Генеральные штаты превратились в национальное собрание с учредительными полномочиями. Именно третье сословие в работе Генеральных штатов приняло на себя титул Национальной ассамблеи 17 июня 1789 г. [4, р. 281, 283]. 9 июля завершилось преобразование Генеральных штатов в *национальное учредительное собрание* (фр. *assemblée nationale constituante*), которое стало отражать не сословные, а общенациональные интересы и поставило задачу революционного характера [5, с. 161]: определить новые конституционные основы государственного и общественного строя Франции.

Понятие «учредительное собрание», заимствованное из французского революционного конституционализма, стало особенно популярным в России в

начале XX в., в ходе первой русской революции 1905–1907 гг. и осуществления государственных преобразований на конституционных началах. Идея учредительного собрания оказала большое влияние на требования конституции, особенно через съезды земских деятелей в начале XX в. («увенчать здание» Российской империи общенациональным представительным учреждением); она лежала в основе требований кадетов о переходе России к парламентской монархии через разработку проекта Основных законов Российской империи. Реализация созыва *Учредительного собрания в России*, которое оправданно называют первой *российской Конституантой* [6, с. 5–6, 359; 7, с. 3], оказалась возможной после Февральской революции 1917 г. Всероссийское Учредительное собрание было избрано в ноябре 1917 г. 6 января 1918 г. прошло однодневное (до 5 утра) заседание учредительного органа, а на следующий день депутатов не пустили в здание Таврического дворца для дальнейших заседаний по приказу В.И. Ленина как председателя СНК. Обвинив Учредительное собрание в контрреволюционных намерениях, в намерении «подделывать народную волю», большевики распустили его и проголосовали за то, чтобы убрать оговорку из ранее принятых декретов советской власти «впредь до окончательного разрешения их Учредительным Собранием»¹. 6 января 1918 г. декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания завершил судьбу первой российской Конституанты². На III Всероссийском Съезде Советов (18 января) декрет о роспуске Учредительного собрания был одобрен.

Отражая первоначально французский опыт, затем слово «конституанта» стало иметь более широкое значение для характеристики институционального использования конституирующей власти. С тех пор этим кратким термином обозначаются различные виды ассамблей граждан, которые наделяются правом разрабатывать и принимать конституции (*конституционный конвент, учредительное собрание, конституционное собрание, иные народные собрания с учредительной властью*). В русском языке это иностранное слово стало употребляться в

связи с широким распространением французского языка в высших слоях общества и при дворе императора уже в XIX в. Словари иностранных слов, изданные на рубеже веков, подтверждают, что слово «конституанта» прочно вошло в состав русского языка в конце XIX – начале XX в. В дальнейшем его ждало некоторое забвение, так как советский государственно-правовой лексикон тяготел к заимствованию и использованию опыта парижской коммуны, диктатуры якобинцев и иного словаря французского революционного конституционализма, а не классических концептов учредительной власти. К тому же реальный опыт разгона Учредительного собрания (учредительной власти) в России в начале XX в. приводил к отрицанию значимости конституирующей власти, представляющей интересы и социальный состав всего общества, а не отдельных доминирующих или революционных классов для целей принятия новой конституции.

Например, в Словаре иностранных слов 1894 г. конституанта – это «собрание, сейм, учреждающий, вводящий конституцию»³. В Новом словаре иностранных слов 2003 г. смысловое значение слова «конституанта» возвращено во французский конституционный опыт: «во Франции и некоторых других государствах – учредительное собрание, созываемое с целью разработки конституции»⁴. В современном международном конституционном лексиконе слово «конституанта» признаётся *кросс-национальным* термином, используемым для обозначения различных видов учредительных органов (с правом разработки и принятия конституции). В нем навсегда остался *французский дух происхождения конституирующей власти*, предложенной Э.Ж. Сийесом, хотя первый опыт реализации такой власти (без формулировки ее понятия, а эмпирически) появился в североамериканских колониях в ходе их борьбы с Англией от колониальной зависимости и работы Филадельфийского конвента 1787 г.

Хотя термин «конституанта» французского происхождения, термин «конституционализм» был написан и произнесен на английском языке также в конце XVIII в. Конституционализм произво-

¹ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / Рос. социал.-демократ. рабочая партия. Петербург, 1918. С. 85.

² Декрет о роспуске Учредительного Собрания // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 335–336.

³ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лекс. разработки заимств. сл. в рус.

лит. речи / сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб.: В.И. Губинский, 1894. С. 413.

⁴ Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 сл. и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2003. 784 с. Цит. по: URL: <https://herzena.ru/index.php/words/show/8060>.

ден от понятия конституции (писаной, кодифицированной или нет), хотя и не равнозначен ему и имеет свои правовые атрибуты. *Конституционализм питается набором правовых идей и развивался под влиянием правовой идеологии.* Осмысление факторов мировоззренческого и идеологического характера в процессе развития и кризиса современного конституционализма происходит на наших глазах. Конституционализм как правовая идеология либерализма трансформируется и модифицируется под влиянием геополитических, культурно-исторических, социально-экономических и социально-политических факторов на глобальном Юге и глобальном Востоке, на глобальном Западе и глобальном Севере. Развиваются компоненты глобального, социального, социал-демократического, популистского, нелиберального, постлиберального и авторитарного конституционализма [8, с. 43; 9]. В различных доктринах конституционализма при разнообразии элементов правовой и политической идеологии значительное место занимает *дискуссия о конституирующем субъекте*, который выступает источником власти, проводником конституционных изменений и легитимирующим основанием для формирования и осуществления конституционной политики в различных государствах или на наднациональном уровне.

Доктрины конституционализма влияют на ценности, цели, принципы и институты конституционного права; особое значение в концепциях конституционного права занимает ценностный подход. Поэтому «конституционные ценности есть то, чему должна соответствовать социально-духовная среда общества и целеустройство государства» [10, с. 35]. Остается сложным вопрос о комбинированном влиянии социал-демократической и либерально-демократической идеологии, российских государственно-правовых традиций, в том числе в области народного участия и персонализации власти, на отражение в тексте конституции и достижение новых и старых конституционных ценностей. Значение принципа народного суверенитета в доктрине и практике современного конституционализма не подвергается сомнению. Как отмечает С.В. Нарутто, «гарантией конституционности государства является обеспечение народного суверенитета» [11, с. 90–91]. Спорным является вопрос о границах и сферах обеспечения народного суверенитета. Следует развивать не только формы общественного контроля в системе государственного и муниципального управления, но и формы участия граждан [8, с. 45] в выработке под-

ходов и обсуждения конституционных изменений в стране.

В российской конституционно-правовой литературе идет активный процесс критического переосмысления либерального конституционализма с его центром распространения в Западной Европе и США в *рамках создания полицентрической модели* [12, с. 11] и многообразного конституционного опыта различных государств в условиях геополитического конфликта [13, с. 4]. Значительные исследования российских ученых вносят свой вклад в развитие критического рационализма применительно к философии конституционализма [14] и особенностям российского конституционализма [15].

Конституционалисты из стран Восточной Европы предлагают критически осмыслить сформировавшиеся концепции *нелиберального конституционализма, нелиберальной демократии, популистского конституционализма* [16; 17], а также *постлиберального конституционализма* [18], которые затрагивают вопрос о конституционном популизме и влиянии народных волеизъявлений на процесс конституционных изменений. В странах Латинской Америки, как отмечают исследователи, наблюдается рост использования конституирующей власти и народного волеизъявления в процессах демократизации и принятия новых конституций, который концептуализируется как *латиноамериканский неоконституционализм* [19, р. 109–110]. Он показывает свою преемственность со старым, традиционным для данного региона конституционализмом. Вместе с тем *ибероамериканский конституционализм* в XXI в. ознаменовал качественно иное вовлечение граждан в процесс конституционных изменений и в процесс обсуждения различных компонентов государственной политики [20]. Для некоторых государств, таких как Венесуэла, *вовлечение и мобилизация граждан стали примером конституционного популизма*, а для таких стран, как Бразилия, *народная инклюзия содействовала созданию целой системы институтов демократического участия* на различных уровнях организации публичной власти.

В качестве относительно нового тренда в конституционном развитии данного субконтинента называют *появление демократии снизу, которая становится неотъемлемой частью в процессах конституционных изменений.* Процессы народного волеизъявления рассматриваются в качестве «наиболее революционного компонента новых и противоречивых политических процессов, происхо-

дящих в Латинской Америке» [21, р. 1–3]. По мнению Э. Бетансеса и К. Фигероа Ибарра, опыт таких государств региона, как Венесуэла, Боливия, Бразилия, Аргентина, Мексика и Доминиканская Республика, свидетельствует о дальнейшем развитии демократии участия («партиципативной демократии»), основанной «на учредительной власти» [21, р. 1–13]; расширяется и сфера применения принципа народного суверенитета, который распространяется на конституционные волеизъявления граждан.

3. Социальные основания и инструменты конституирующей власти: тогда и сегодня

Конституции Нового и Новейшего времени имели различные исторические условия происхождения и легитимации. Верховенство конституции как учредительного акта, принятого по воле народа, появилось в доктрине и практике конституционализма в период американской антиколониальной революции и французской антифеодальной революции в последней четверти XVIII в. [22, р. 12]. Характер *верховенства конституции имеет широкую социальную опору и легитимирующее снование*, если в разработке акта, его обсуждении и принятии активно участвовали граждане как подлинники учредители правопорядка.

Со времени Великой французской революции возникла и получила развитие *парадигма конституирующей власти*, основанной на народной воле; следовательно, и демократические конституции стали учредительными актами, которые принимает конституирующая власть народа и/или его представителей. Связь демократического потенциала конституирующей власти и развитие демократических форм участия граждан в разработке и осуществлении конституционной и ординарной законодательной политики обнаруживается в современных теориях демократии (демократии участия, делиберативной демократии).

Как отмечают международные исследователи, «идея конституирующей власти использовалась для обозначения власти, которой обладает народ для создания правовых и политических порядков» [23, р. 926]. Право и политика отражают различные сегменты нормативного регулирования и реализации конституирующей власти. *Публичное право нацелено на установление определенного юридического стандарта регулирования форм и способом осуществления конституирующей власти с возможным ограничением в структуре действующих конституций или правопорядка в целом. Государственная политика отражает процесс допустимого и возможного исполь-*

зования конституирующей власти, как правило, отталкиваясь от существующих органов публичной власти – носителей в лучшем случае производной конституирующей власти и обладающих правом инициировать процесс конституционных изменений.

Всплеск интереса к конституирующей власти как к предмету научного дискурса и конституционно-политической практике в первой четверти XXI в. обусловлен тремя факторами международного правового и конституционного развития.

Во-первых, *новой волной делиберативной конституционной политики* в различных регионах мира, когда гражданам благодаря институциональным и нормативным демократическим инновациям возвращается возможность участвовать в разработке, обсуждении и принятии различных конституционных изменений (от поправок к конституции до участия в разработке и принятии конституций) как в странах Латинской Америки (Бразилия, Чили, Колумбия, Аргентина), так и в европейских государствах (Исландия, Ирландия, Люксембург, Бельгия). Информационное общество влияет на формы и способы осуществления различных форм публичной власти. *Изначальная и производная конституирующая власть демократизируются в сетевом обществе*. Государство и его органы стоят перед решением *проблемы создания новых сетевых форм и их комбинирования с аналоговыми формами* при реализации конституирующей власти. Появление феномена конституционного краудсорсинга (на примере Исландии) и краудсорсинговых платформ в парламентах Бразилии и Чили «свидетельствует об инновационном и революционном характере» [24, р. 1–2] использования технологий краудсорсинга в публично-правовой сфере в эпоху цифровизации и алгоритмического общества.

Во-вторых, *расширением сферы популистского конституционализма и нелиберальной демократии*, в том числе в таких странах Европы, как Польша и Венгрия. Например, А. Ди Грегорио полагает, что в XXI в. актуализируется проблема вырождения (деградации) современных демократий, что приводит к появлению популистского конституционализма и нелиберальных демократий; она предлагает рассматривать «вырождение современных демократий как спусковой крючок новой феноменологии конституционного перехода» [25, р. 101, 103], полагая, что «деградировавшие» демократии являются промежуточными формами между демократией и авторитаризмом. В такой же степени происходит *использование технологий мобилизации граждан* в рамках конституционных инициатив для проведения

в жизнь реформы конституции или принятия новой конституции (например, Конституции Венесуэлы 1999 г. при поддержке политики У. Чавеса). По мнению венесуэльского конституционалиста, от новой Конституции Республики Венесуэла ожидали, что она в условиях демократии «преобразит государство и создаст новую правовую систему, которая позволит эффективно функционировать социальной демократии, основанной на широком участии» [26, р. 171]. Однако многие ожидания не оправдались: несмотря на работу Национального учредительного собрания, созданного в результате референдума 25 апреля 1999 г. и избранного 25 июля 1999 г., конституция оказалась «созданной для авторитаризма, государственного патернализма, популизма и неплатежеспособного этатизма» [26, р. 171, 192, 193]. Критическое осмысление популистского конституционализма показывает риски институтов прямой демократии и относительную эффективность и практическую востребованность институтов демократических инноваций, которые все вместе могут не приводить к желаемым результатам.

В-третьих, конституирующая власть может реализовываться посредством использования новых технологий, в том числе краудсорсинговых платформ, новых демократических мини-публик, ассамблей граждан, или комбинированными способами, когда сочетаются новые технологии, ассамблеи граждан и традиционные учредительные собрания в различных пропорциях. Однако именно информационные и цифровые технологии создают возможность на основе интерактивного обсуждения и делиберативного участия, вовлечения широких слоев граждан в процедуру участия, создавать новое публично-правовое пространство делиберативного обсуждения конституционных инициатив и конституционных изменений, что может рассматриваться как способ возвращения народу учредительной власти. Современные демократические государства должны быть готовы к созданию *интерактивных и краудсорсинговых платформ* для обсуждения и разработки новых конституционных изменений, конституционных реформ или отдельных конституционных поправок, а не только для взаимодействия парламента, депутатов и граждан [27, с. 124].

Существуют различные концепции конституирующей власти. Некоторые из них предшествовали Французской революции XVIII в., другие являются продуктом XXI в. и вызваны к жизни использованием и перспективами нормативного регулирова-

ния новых технологий (информационных и цифровых). *Естественно-правовой конституционализм Э. де Ваттеля предшествовал появлению понятия конституирующей власти* и первой практике ее реализации во Франции и США; он основывался на идее народного конституционного дизайна, в соответствии с которой именно нации принадлежит право на принятие и изменение конституции [28, с. 52–54]. В отношении законодателей (обладающих согласно современным взглядам производной конституирующей властью) конституция должна быть священной, «если только нация прямо не дала им власть менять и эти законы, ибо конституция государства должна быть устойчива» [28, с. 54].

В российской практике принятия Конституции РФ 1993 г. конституирующая власть проявила себя как *учредительный конституционализм* [29, с. 210]. В дальнейшем, с 2008 по 2020 г., процесс конституционных изменений подчинялся логике децизионизма, предложенной К. Шмиттом. Однако соединение *конституционного децизионизма* с информационными технологиями может приводить к появлению *информационного коммуникативного или цифрового конституционализма*, в котором принятие решений о конституционных изменениях по-прежнему зависит от главы государства без каких-либо юридических гарантий конституционного вовлечения граждан [30, с. 38].

Децизионизм стал новой концепцией конституирующей власти благодаря усилиям К. Шмитта, который связывал всеобъемлющую форму политического бытия с волей суверена, расширив границы юридического позитивизма. В конституирующей власти К. Шмитт видел «политическую волю, чья власть или авторитет способны принимать конкретное, всеобъемлющее решение» (отсюда и децизионизм, от англ. *decision*) «о типе и форме своего политического бытия» [31, р. 125; 29, с. 212]. Конституирующую власть называют «мостовой концепцией», которая функционирует между сферой права и сферой политики [23, р. 926–927]. В информационном обществе, где применяется алгоритмическое управление для принятия решений, *конституирующая власть приобретает характер «трехзвенного моста»*, соединяющего правовые институты публичной власти, политические формы участия граждан и цифровые технологии для обсуждения и принятия решений в области конституционных изменений.

Понятие *учредительного конституционализма*, предложенное в научной литературе, базиру-

ется на осмыслении практики российского конституционного дизайна и учредительного момента начала 1990-х гг. [29, с. 210–212]. 12 декабря 1993 г. граждане Российской Федерации, реализуя свои избирательные права и право голоса на референдуме, обладали пятью голосами и получали четыре бюллетеня для совершения исторического выбора. В новейшую историю конституционного развития России этот день вошел как *учредительный день – день рождения учредительного конституционализма*: 1) день проведения общероссийского референдума по проекту новой Конституции страны (один голос, один бюллетень); 2) день голосования на выборах депутатов Государственной Думы (по одномандатным округам с использованием мажоритарной системы относительного большинства и на основе списков кандидатов от избирательных объединений по пропорциональной избирательной системе, всего два голоса и два бюллетеня); 3) день голосования на выборах депутатов Совета Федерации (верхней палаты вновь учреждаемого Парламента России) по двухмандатным округам в каждом субъекте Российской Федерации на основе мажоритарной системы относительного большинства (два голоса, один бюллетень).

Для российской государственно-правовой традиции такой подход не был характерным и использовался в контексте принятия новой Конституции впервые. Специфика учредительного конституционализма как публично-правового концепта заключается в следующем.

В учредительном конституционализме совмещаются доктринальные, нормативные и институциональные основы системы конституционных институтов в различной пропорции с позиций обладания учредительными полномочиями, формы конституирующей власти, закрепленные в действующей конституции страны, формы и способы конституционных изменений формального и неформального характера, а также права субъектов в сфере конституционной модернизации и конституционных изменений, которые могут не отражаться в структуре и нормах действующей конституции, однако составляю-

щие содержание правомочий для участия в конституционных изменениях в силу естественно-правовой доктрины конституционализма.

4. Выводы

Конституирующая власть в контексте современного мироустройства, стремящегося не к распаду, а к устойчивому и прогрессивному развитию, претендует на роль преобразующей силы и демократического института с генеративными возможностями для совершенствования правопорядка, социальных отношений, аккумуляции и выражения общественных чаяний народа и групп граждан, а также создания публичного пространства для диалога между различными институтами публичной власти, гражданского общества и граждан. Возвращение конституирующей власти народу в моменте проведения общероссийского голосования 1 июля 2020 г. нуждается в надлежащих и новых формах конституционного закрепления, в том числе по причине формирования коллективной идентичности политической нации, «самоидентификации российского народа» и социальной солидарности, о которой стали говорить нормы Конституции после реформы 2020 г. После проведенной реформы продолжается поиск оптимальной «организации и взаимодействия уровней публичной власти» [32, с. 53], надлежащего сочетания принципов централизации государственного управления и субсидиарности. Конституирующая власть предстает для конституционного развития страны как коммуникационная сфера, где вовлечение в процесс обсуждения и принятия важных конституционных изменений предполагает набор делиберативных и императивных процедур и форм участия граждан.

Энергию данной власти не следует воспринимать как экстраординарную силу, не подчиненную существующему правопорядку; скорее ее преобразующая сила должна работать для оздоровления публичного коммуникационного пространства, обеспечивая современные формы участия граждан, экспертов и институтов публичной власти и гражданского общества в общей заботе о социальном и правовом прогрессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fitzsimmons M. P. The remaking of France: The National Assembly and the Constitution of 1791 / M. P. Fitzsimmons. – New York : Cambridge University Press, 2002. – xvi, 273 p.
2. Ferron H. de. L'organisation départementale et la Constituante de 1789 / H. de Ferron // Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger. – 1877. – Vol. 1. – P. 239–260.

3. Lemay E.-H. La Composition de l'Assemblée Nationale Constituante: Les Hommes de La Continuité? / E.-H. Lemay // *Revue d'histoire Moderne et Contemporaine*. – 1977. – Vol. 24, No. 3. – P. 341–363.
4. Fitzsimmons M. P. Privilege and the Polity in France, 1786–1791 / M. P. Fitzsimmons // *The American Historical Review*. – 1987. – Vol. 92, No. 2. – P. 269–295.
5. История государства и права зарубежных стран : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – Т. 2 : Современная эпоха. – 816 с.
6. Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное Собрание / М. В. Вишняк ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. – М. : РОССПЭН, 2010. – 448 с.
7. Кравец И. А. Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года / И. А. Кравец // *Журнал конституционного правосудия*. – 2022. – № 1. – С. 1–11. – DOI: 10.18572/2072-4144-2022-1-1-11.
8. Кравец И. А. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации / И. А. Кравец // *Актуальные проблемы российского права*. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 33–47. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047.
9. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка : моногр. / А. Н. Медушевский. – М. : Директ-Медиа, 2023. – 691 с.
10. Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве / И. Г. Дудко // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 35–46. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046.
11. Нарутто С. В. Гарантии конституционности Российского государства / С. В. Нарутто // *Современный российский конституционализм : к 85-летию со дня рождения акад. О. Е. Кутафина : моногр. / под общ. ред. В. В. Комаровой, отв. ред. О. С. Рыбакова*. – М. : Проспект, 2023. – С. 85–95.
12. Кравец И. А. Многомерный кризис и цифровое будущее конституционализма как мировоззренческой платформы / И. А. Кравец // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2023. – № 5 (156). – С. 11–36. – DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-11-36.
13. Румянцев А. Политические идеологии и их реализация на фоне геополитического конфликта: анализ понятия «либеральный конституционализм» / А. Румянцев // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2024. – Т. 33, № 4. – С. 4–39.
14. Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2023. – 496 с.
15. Плотникова И. Н. Система ценностей современного российского конституционализма / И. Н. Плотникова // *Современный российский конституционализм : к 85-летию со дня рождения акад. О. Е. Кутафина : моногр. / под общ. ред. В. В. Комаровой, отв. ред. О. С. Рыбакова*. – М. : Проспект, 2023. – С. 13–28.
16. Belov M. Introduction / M. Belov // *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality* / ed. by M. Belov. – Cambridge : Intersentia, 2021. – P. 1–10.
17. Drinóczi T. Illiberal Constitutionalism in Poland and Hungary. The Deterioration of Democracy, Misuse of Human Rights and Abuse of the Rule of Law / T. Drinóczi, A. Bień-Kacała. – Abingdon ; New York : Routledge, 2022. – 236 p.
18. Sulikowski A. Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe / A. Sulikowski. – Abingdon : Routledge, 2023. – 140 p.
19. Gargarella R. Sobre el “Nuevo constitucionalismo latinoamericano” / R. Gargarella // *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. – 2018. – Vol. 27, No. 1. – P. 109–129.
20. Valadés D. La constitución y el poder / D. Valadés // *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI* / coords. D. Valadés, M. Carbonell. – Mexico : Universidad Nacional Autónoma de México : Cámara de Diputados, LVII Legislatura, 2004. – P. 137–167.
21. Popular Sovereignty and Constituent Power in Latin America. Democracy from Below / eds. by E. Betances and C. Figueroa Ibarra. – New York : Palgrave Macmillan, 2016. – xiii, 208 p. – DOI: 10.1057/978-1-137-54825-2.
22. Grimm D. Constitutionalism. Past, Present, and Future / D. Grimm. – New York, NY : Oxford University Press, 2016. – 400 p.

23. Colón-Ríos J. I. Constituent power and its institutions / J. I. Colón-Ríos, E. M. Hausteiner, H. Lokdam, P. Pasquino, L. Rubinelli, W. Selinger // *Contemporary Political Theory*. – 2021. – Vol. 20, Iss. 4. – P. 926–956. – DOI: 10.1057/s41296-021-00467-z.
24. Abat i Ninet A. Constitutional Crowdsourcing: Democratising Original and Derived Constituent Power in the Network Society / A. Abat i Ninet. – Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2021. – 192 p.
25. Di Gregorio A. The Degeneration of Contemporary Democracies as a New Phenomenology of Constitutional Transition / A. Di Gregorio // *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality* / ed. by M. Belov. – Cambridge : Intersentia, 2021. – P. 101–115.
26. Brewer-Carías A. R. Reflexiones críticas sobre la Constitución de Venezuela de 1999 / A. R. Brewer-Carías // *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI* / coords. D. Valadés, M. Carbonell. – Mexico : Universidad Nacional Autónoma de México : Cámara de Diputados, LVII Legislatura, 2004. – P. 171–193.
27. Васильева Т. Краудсорсинговые платформы в парламентах Чили и Бразилии: попытки делиберации / Т. Васильева // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2023. – Т. 32, № 5. – С. 124–141.
28. Ваттель Э. де. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. де Ваттель. – М. : Госюриздат, 1960. – 719 с.
29. Кравец И. А. Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) / И. А. Кравец // *Вестник Томского государственного университета*. – 2020. – № 450. – С. 206–217. – DOI: 10.17223/15617793/450/25.
30. Кравец И. А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма / И. А. Кравец // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 33–42. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42.
31. Schmitt C. *Constitutional Theory* / C. Schmitt ; transl. by J. Seitzer. – Durham : Duke University Press, 2008. – xix, 468 p.
32. Блещик А. В. Уровни (центры) публичной власти: современное прочтение теории и практики / А. В. Блещик, Е. Г. Калинина, С. Э. Несмеянова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 53–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).53-62.

REFERENCES

1. Fitzsimmons M. P. *The remaking of France: The National Assembly and the Constitution of 1791*. New York, Cambridge University Press, 2002. xvi + 273 p.
2. Ferron H. de. L'organisation départementale et la Constituante de 1789. *Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger*, 1877, vol. 1, pp. 239–260. (In French).
3. Lemay E.-H. La Composition de l'Assemblée Nationale Constituante: Les Hommes de La Continuité?. *Revue d'histoire Moderne et Contemporaine*, 1977, vol. 24, no. 3, pp. 341–363. (In French).
4. Fitzsimmons M.P. Privilege and the Polity in France, 1786-1791. *The American Historical Review*, 1987, vol. 92, no. 2, pp. 269–295.
5. Krashenninnikova N.A. (ed.). *History of the State and Law of Foreign Countries*, Textbook, in 2 volumes. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2020. Vol. 2: The Modern Era. 816 p. (In Russ.).
6. Vishnyak M.V. *All-Russian Constituent Assembly*, Comp., introduct. and comment. by A.N. Medushevsky. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 448 p. (In Russ.).
7. Kravets I.A. Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform of 2020. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-1-1-11. (In Russ.).
8. Kravets I. A. Strategic constitutionalism and constitutional changes: the state and citizens in constitutional forecasting and in public law communication. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 33–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047. (In Russ.).
9. Medushevsky A.N. *Global constitutionalism: processes of integration and fragmentation in the creation of a new world order*, Monograph. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023. 691 p. (In Russ.).

10. Dudko I.G. Modern concepts in Russian constitutional law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 35–46. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046. (In Russ.).
11. Narutto S.V. Guarantees of the constitutionality of the Russian state, in: Komarova V.V., Rybakova O.S. (eds.). *Sovremennyyi rossiiskii konstitutsionalizm*, On the 85th anniversary of Academician O.E. Kutafin, Monograph, Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 85–95. (In Russ.).
12. Kravets I.A. Multidimensional crisis and the digital future of constitutionalism as an ideological platform. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2023, vol. 32, no. 5 (156), pp. 11–36. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-11-36. (In Russ.).
13. Rumyantsev A. Political ideologies and their implementation against the backdrop of a geopolitical conflict: an analysis of the concept of "liberal constitutionalism". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2024, vol. 33, no. 4, pp. 4–39. (In Russ.).
14. Ebzeev B.S. *Philosophy of Russian constitutionalism*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 496 p. (In Russ.).
15. Plotnikova I.N. The value system of modern Russian constitutionalism, in: Komarova V.V., Rybakova O.S. (eds.). *Sovremennyyi rossiiskii konstitutsionalizm*, On the 85th anniversary of Academician O.E. Kutafin, Monograph, Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 13–28. (In Russ.).
16. Belov M. Introduction, in: Belov M. (ed.). *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality*, Cambridge, Intersentia Publ., 2021, pp. 1–10.
17. Drinóczi T., Bień-Kacała A. *Illiberal Constitutionalism in Poland and Hungary. The Deterioration of Democracy, Misuse of Human Rights and Abuse of the Rule of Law*. Abingdon, New York, Routledge Publ., 2022. 236 p.
18. Sulikowski A. *Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe*. Abingdon, Routledge Publ., 2023. 140 p.
19. Gargarella R. Sobre el "Nuevo constitucionalismo latinoamericano". *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 109–129. (In Spanish).
20. Valadés D. La constitución y el poder, in: Valadés D., Carbonell M. (coords.). *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI*, Mexico, Universidad Nacional Autónoma de México Publ., Cámara de Diputados, LVII Legislatura Publ., 2004, pp. 137–167. (In Spanish).
21. Betances E., Figueroa Ibarra C. (eds.). *Popular Sovereignty and Constituent Power in Latin America. Democracy from Below*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. xiii + 208 p. DOI: 10.1057/978-1-137-54825-2.
22. Grimm D. *Constitutionalism. Past, Present, and Future*. New York, NY, Oxford University Press, 2016. 400 p.
23. Colón-Ríos J.I., Hausteiner E.M., Lokdam H., Pasquino P., Rubinelli L., Selinger W. Constituent power and its institutions. *Contemporary Political Theory*, 2021, vol. 20, iss. 4, pp. 926–956. DOI: 10.1057/s41296-021-00467-z.
24. Abat i Ninet A. *Constitutional Crowdsourcing: Democratizing Original and Derived Constituent Power in the Network Society*. Cheltenham, Northampton, MA, Edward Elgar Publ., 2021. 192 p.
25. Di Gregorio A. The Degeneration of Contemporary Democracies as a New Phenomenology of Constitutional Transition, in: Belov M. (ed.). *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality*, Cambridge, Intersentia Publ., 2021, pp. 101–115.
26. Brewer-Carías A.R. Reflexiones críticas sobre la Constitución de Venezuela de 1999, in: Valadés D., Carbonell M. (coords.). *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI*, Mexico, Universidad Nacional Autónoma de México Publ., Cámara de Diputados, LVII Legislatura Publ., 2004, pp. 171–193. (In Spanish).
27. Vasilyeva T. Crowdsourcing platforms in the parliaments of Chile and Brazil: attempts at deliberation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2023, vol. 32, no. 5, pp. 124–141. (In Russ.).
28. Vattel E. de. *The Law of Nations, or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1960. 719 p. (In Russ.).
29. Kravets I.A. Constituent Power and Constitutional Modernization in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative and International Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 206–217. DOI: 10.17223/15617793/450/25. (In Russ.).

30. Kravets I.A. The Cult of the Written Constitution and the Dilemmas of Constitutional Amendments: Scientific Approaches and Practice of Applying Deliberative Constitutionalism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 33–42. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42.

31. Schmitt C. *Constitutional Theory*, transl. by J. Seitzer. Durham, Duke University Press, 2008. xix + 468 p.

32. Bleshchik A.V., Kalinina A.G., Nesmeyanova S.E. Levels (centers) of public authority: modern interpretation of theory and practice. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 53–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).53-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права
Новосибирский государственный университет
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
E-mail: kravigor@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5291-7177
ResearcherID: N-9219-2015
SPIN-код РИНЦ: 7272-5729

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Igor A. Kravets – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Constitutional and Municipal Law; Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk State University
2, Pirogova ul., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: kravigor@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5291-7177
ResearcherID: N-9219-2015
RSCI SPIN-code: 7272-5729

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кравец И.А. Конституирующая власть в конституционном развитии и публичной коммуникации: сравнительные аспекты конституционных изменений / И.А. Кравец // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 47–57. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).47-57.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kravets I.A. Constituent power in constitutional development and public communication: comparative aspects of constitutional change. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 47–57. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).47-57. (In Russ.).